

СЕРИЯ
«ХРАМ АФРОДИТЫ»:

СВҚТИЛИЩЕ ЛЮБВИ
Меч Эроса
ШКОЛА ГЕТЕР. ҚНИГА 1
ШКОЛА ГЕТЕР. ҚНИГА 2

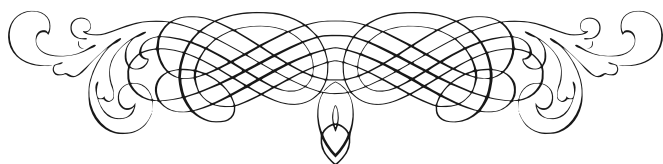
О легконогая дева,
Твой танец угоден богине!
Но все же проворней кружись,
Быстрее беги,
А то не догонишь того,
Кого ловит твой взгляд!

...Кружись не кружись,
Беги не беги,
Все равно ты его не догонишь...

*Из критских гимнов
Великой Богине*

Елена Арсеньева

МЕЧ ЭРОСА

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 84-4(2Рос=Рус)

А85

Арсеньева Е.

А85 Меч Эроса / Е. Арсеньева, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 238 с. — (Храм Афродиты).

Отец Тимандры погиб в безднах знаменитого критского лабиринта, где он искал сокровища древних царей. Девушка должна бежать с Крита. Мореходы продают ее в портовый бордель. Идомену — так теперь называли Тимандру — спас красавец Алкивиад. На застежке его плаща отчеканено изображение Эроса с мечом — и этот меч смертельной любовью поразил Идомену-Тимандру. Отныне что бы она ни делала: встречалась с мужчинами, помогала грабителям обирать простодушных горожан, училась в школе в школе гетер, изобличала лесбиянок-убийц, вела бурную жизнь куртизанки, — она мечтала лишь о новой встрече с Алкивиадом. Вот только встретила она его брата-близнеца Хореса...

Кого же любит Тимандра? И кому из двух братьев станет верной спутницей до последнего дня его жизни?

BIC FR

BISAC FIC027050

© Елена Арсеньева, текст, 2022

© Яна Цилибина, обложка, 2022

© RUGRAM, оформление, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-90007-7

Крит, развалины Кнососа¹

Рассвет едва занялся, в селении и в храме все еще спали. Старый колодец дышал затхлостью и такой непроглядной тьмой, словно Тимандра заглянула в самую сердцевину земли. Наверное, так оно и было, ведь никто не знал глубины колодца. Вырыли-то его во времена незапамятные, когда Дворец Миносов² не в развалинах лежал, а сиял пышностью и великолепием критян, властителей моря. Очень может быть, в этом колодце брали воду еще для Минотавра, страшного обитателя Лабиринта! Минотавра победил Тезей, дворцы Миносов были разрушены землетрясением, Крит сделался частью Эллады³, его былое могущество осталось лишь в воспоминаниях. Но

¹ Действие этой книги происходит примерно на двести лет позже того, которое описано в романе «Святилище любви», и на сто лет раньше событий, о которых рассказывается в романах «Школа гетер» и «Школа гетер-2». *Здесь и далее прим. автора.*

² Минос — легендарный царь Крита, песронаж античной мифологии. По его имени и его потомков, тоже Миносов, была названа Минойская цивилизация, существовавшая на Крите в 2700 — 1400 годы до н. э.

³ В описываемое время Греция называлась Элладой, а жители ее — эллинами и эллинками. Долгое время Элладой считалась только материковая Греция, и лишь потом, постепенно, к ней присоединялись острова и часть Малой Азии. Однако критяне долгое время противопоставляли себя эллинам.

если взять с собой факел, а потом спуститься по высохшим уступам в стенах колодца, можно попасть в сокровищницы Ми-носов, где до сих стоят, полузасыпанные замлей, сундуки с роскошными одеждами, которые топорщатся от золота, и камнями, сияющими на солнце ярче самого солнца.

Когда-то отец Тимандры промышлял тем, что спускался в этот колодец и блуждал по закоулкам Лабиринта, а потом возвращался с богатой добычей. Односельчане презрительно прозвали его Клефтис, то есть вор, однако все втихомолку ему завидовали. Мало у кого хватало храбрости побывать в Лабиринте, где из-под камней кое-где торчали кости скелетов, будто в настоящем царстве мертвых! А главное — верховный жрец храма Великой Богини ценил добычу Клефтиса и хорошо ему платил. Клефтис был самым зажиточным человеком в этом небольшом селе, притулившимся возле старого храма. Тимандра никогда не ведала нужды; к тому же отец заранее постарался обеспечить ее будущее щедрыми приношениями в храм. Пока она только заводила храмовые танцы и гимны во время ритуальных празднеств (и все говорили, что так, как Тимандра, не поет и не танцует никто в округе, другие девушки ей завидовали!), но когда-нибудь она станет жрицей Великой Богини!

Иногда Клефтис возвращался с мешком, настолько тяжелым от золота и драгоценностей, что едва мог выбраться из колодца. С каждым разом он приносил все больше, но вот однажды добыча оказалась слишком богатой, а мешок — слишком тяжелым. Веревка не выдержала и лопнула, когда Клефтис уже был почти у поверхности земли.

Тимандра, которая, как всегда, поджидала отца у края колодца, чтобы принять добычу и помочь ему вылезти, внезапно услышала пронзительный крик, который еще долго несся из глубин, постепенно удаляясь, пока не воцарилась тишина. Кое-как справившись со страхом, она потянула веревку — и помертвела, увидев короткий разлохматившийся конец.

Некоторое время Тимандра тупо смотрела на него, не в силах понять, что это значит, но наконец ужас поразил ее, как стрела.

— Отец! — закричала она, нагнувшись. И снова, снова звала, давясь слезами, но так и не дождалась ответа...

С тех пор прошел год, но во всем селении больше не нашлось ни одного храбреца, который осмелился бы спуститься в бездны Лабиринта. Верховный жрец очень сильно гневался за то, что храм Великой Богини лишился приношений, и предрекал селению всяческие беды, однако мужчины предпочитали обрабатывать свои клочки земли, виноградники и оливковые деревья, чем искать удачу в подземном царстве мертвых, в котором теперь поселился и Клефтис.

Только Тимандра порою приходила к колодцу, как другие приходят на могилы близких, наклонялась над ним, бросала в темноту лепешки или нежные бледные розы, куст которых отец посадил около их дома, когда она родилась, и рассказывала, как живет, всей душой желая уловить хоть какой-то отзвук, однако снизу звучала только тишина.

Может быть, колодец был так глубок, что ее голос просто не долетал до отца? А может быть, именно поэтому она не слышала его ответа?..

Но сейчас ей нужен был ответ! Непременно нужен! Никому на свете не могла бы она рассказать о том, что произошло, — только отцу, самому близкому ей человеку!

Матери Тимандра не помнила — та умерла в родах, поэтому девочка росла под присмотром отца и храмовых жриц и жрецов. Она привыкла любить и почитать их всех, как родных, но сейчас они были последними людьми на свете, которым Тимандра смогла бы открыть свою тайну.

— Отец... молю тебя или твой дух, помогите мне! Подскажите, как поступить! — звала она со всей страстью владевшего ею ужаса, почти не веря, что кто-то отзовется, — но тьма вдруг словно вздохнула, а потом послышались странные шлепающие звуки, которые постепенно приближались к Тимандре, как будто кто-то поднимался к ней из глубины земли.

Девушка бросилась бы прочь, да ноги подкосились. Она навалилась на край отверстия, еле дыша от страха, и увидела... увидела огромную белую лягушку, которая медленно и тяжело

прыгала по еле заметным выступам в стенах колодца, на миг словно прилипая к ним, а потом переваливаясь на следующий выступ.

Наконец она остановилась, подняв к Тимандре свою бледную голову и прозрачные, будто вода подземного ручья, глаза.

— Отец?! — едва слыша собственный голос, пробормотала Тимандра, и лягушка хрипло квакнула, словно издала издевательский смешок.

Тимандре стало стыдно своей глупости.

Отец рассказывал, что видел два или три раза в переходах Лабиринта таких огромных лягушек. А может быть, она была одна. Вот эта самая, которая поднялась к Тимандре... Сколько ей лет — сотен, а то и тысяч! — даже представить немыслимо. На сохранившихся в развалинах дворца древних картинах можно было увидеть Великую Богиню — как и положено, с двумя ритуальными змеями в руках, — но иногда около ее ног была изображена белая лягушка. Говорили, будто в таких лягушек в прежние времена превращались после смерти все богини-на-земле — так на Крите называли жриц, которые издревле участвовали во всех тайных обрядах, изображая Великую Богиню.

Эти лягушки неведомым образом подсказывали богиням-на-земле пророчества. Неужели одна из них явилась Тимандре?!

Да нет, не может быть...

В то мгновение лягушка снова издала хриплый звук, но сейчас в нем можно было расслышать усталость и нетерпение. Она словно говорила: «Я поднялась к тебе из неизмеримой глубины, а ты стоишь и молчишь? Хочешь, чтобы я ушла?!»

— Нет-нет, — пробормотала Тимандра, — молю тебя, останься... я расскажу... я все расскажу! Понимаешь, вчера мне исполнилось пятнадцать, и наш верховный жрец...

Показалось, или глаза лягушки при этих словах внезапно потемнели и в них появилось гневное выражение? Наверное, Великая Богиня не может не гневаться из-за того, что теперь в ее храмах предводительствуют не женщины, а мужчины, и они уверяют, будто женщины слишком плохо исправляли

службу, за что и навлекли на себя гнев Владычицы, покаравшей остров гибелью царствующего дома и страшным землетрясением.

Но тотчас глаза лягушки вновь стали прозрачными: казалось, она ждала — и Тимандра спеша и сбиваясь начала свой рассказ.

*Крит, развалины Кнососа,
храм Великой Богини и святилище Фаллу*

Вчера верховный жрец Аитон призвал Тимандру к себе. Девушка склонилась перед ним, и он сказал:

— Подними глаза!

Тимандра не осмелилась; тогда Аитон повторил:

— Взгляни на меня!

В голосе его звенел металл, а взгляд темных глаз, сильно подведенных стимией¹, был суров.

Тимандру охватила дрожь — чем она провинилась?! Однако жрец не стал бранить ее, только спросил:

— Тебе уже пятнадцать, это правда?

— Сегодня исполнилось, я так думаю, — прошептала Тимандра.

— Значит, ты вполне готова... готова служить в храме и даже воспринять пророчество бога.

Тимандра вытаращила глаза.

Время от времени девушек, достигших пятнадцатилетия, приглашали послужить в храме Диониса той ночью, когда он приходил поклониться Великой Богине.

Известно, что Дионис вселялся в верховного жреца, и девушка отдавалась ему, чтобы выслушать пророчество бога, вдохновленного Великой Богиней. В прошлом году, впрочем, случилось так, что избранная оказалась неспособна услышать пророчество и наутро ничего не сообщила людям. Это был дурной знак, и никто потом не удивлялся, что земля плохо плодо-

¹ Стимия — древнее греческое название сурьмы, черной краски для глаз.

носит, виноград гниет на цвету, а оливки рождаются сухими и сморщенными.

По обычаю возлюбленными бога всегда были истинные элинки: высокие, белотелые, пышные, светлоглазые и золотоволосые. А она, Тимандра... она самая настоящая критянка: маленькая, худенькая, с ворохом вьющихся черных волос и зеркально-черными глазами. Она такая же, как все в этом селении. Она бедная сирота. За что выбрали ее?

В обведенных стимией глазах жреца мелькнуло холодное недоумение: почему эта малявка не падает ниц и не лобызает ему ноги в знак восторга и покорности?! И тем более неприятно, что это видит Сардор...

Наконец Тимандра, спохватившись, повалилась на колени, потянула к губам полу белоснежного жреческого одеяния.

Вдруг ей послышался легкий шорох за колонной храма. Покосилась туда не разгибаясь и увидела чьи-то ноги в высоко зашнурованных сандалиях, а также край короткого, выше колен, темного гиматия¹.

Это не был один из храмовых жрецов — те носили только белые одеяния до самой земли. Это не мог быть и кто-то из крестьян — у незнакомца оказались слишком длинные и худые ноги для критянина; вдобавок, таких дорогих сандалий, украшенных множеством золотых пластинок и блестящих камней, никто здесь не смог бы себе позволить.

В то же мгновение незнакомец попятился и скрылся. Тимандра так и не успела его разглядеть.

— Слушай меня! — нетерпеливо одернул ее Аитон. — Ты еще не перед кем не развязала свой девичий пояс, надеюсь?

— Как можно, господин мой! — ужаснулась Тимандра. — Я ведь посвящена Великой Богине и должна ждать своего срока встретиться с Дионисом.

— Твой срок настал, — объявил Аитон. — Только вот в чем беда: Дионис не любит девственниц. Ему по душе буйные менады, искушенные в любовных утехах. Поэтому ты должна прямо сейчас пойти к великому Фаллу и отдать ему свою первую

¹ Гиматий — верхняя одежда в описываемое время.